

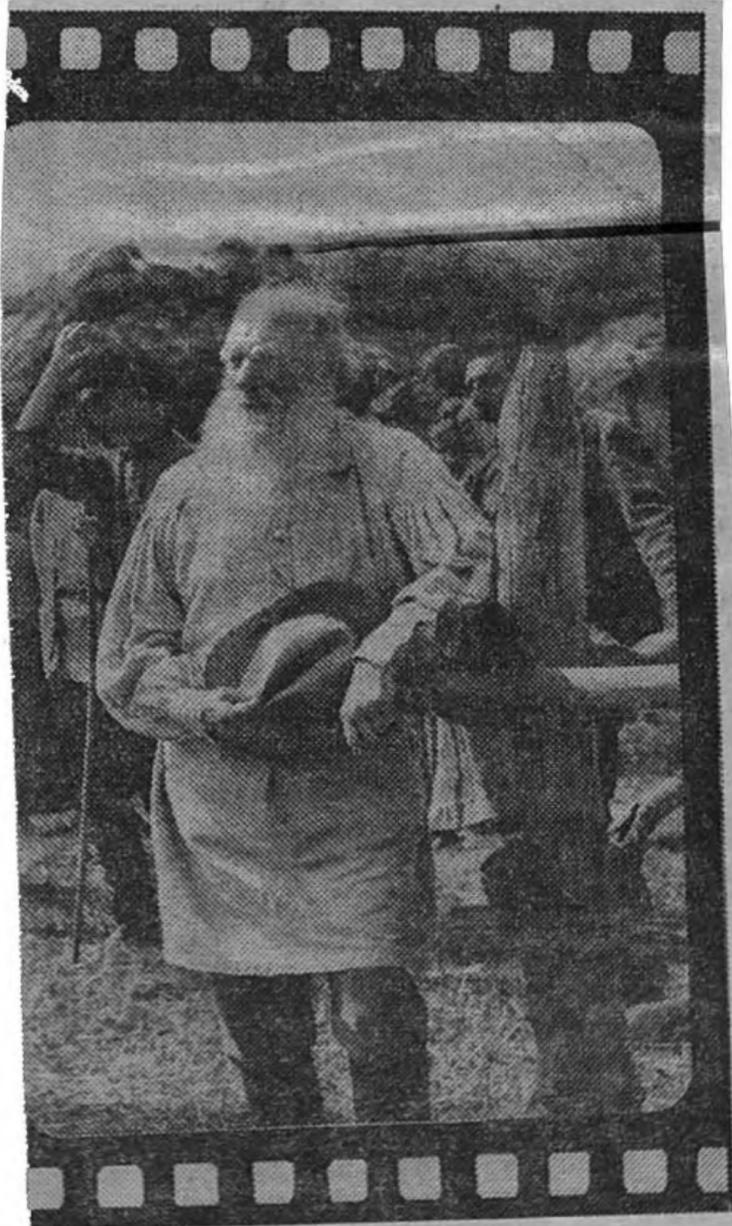
земной человек, не вегетарианец, люблю пельмени поест и сам их приготовить. Во мне хоть отбавляй экикурейского, но это совершенно не мешает нормально функционировать совести. Надо освобождать себя от ханжеских перегибов, жить, как человек, который любит жизнь и все ее радости, но при этом не забывать долга. Чувство долга, долженствования — одно из самых приятных в списке того, что отличает человека от коровы.

Я люблю в человеке способность контролировать самого себя, ставить свою совесть в положение диктатора по отношению ко всему, что ты делаешь. Если это в тебе есть, если все это замешено на разуме, тогда получится главное — сделай так, как лучше для всех. И для себя в том числе, потому что ты всем принадлежишь.

— Ваши ученики самых разных возрастов знают, что, когда им трудно, они в любое время дня и ночи могут позвонить вам, прийти, попросить о помощи и никогда не встретят отказа — многие мне об этом говорили.

— Я делаю это из эгоистических побуждений, понимаете ли. Я хочу, чтобы людям, которым я могу помочь, жилось несколько легче. Мне так будет легче. Если откажу — буду мучиться, что я не сделал то, что мог сделать. А что веселого в этих мучениях? Вот я и освобождаю себя от ненужных страданий.

Вообще мне кажется, желание создать вокруг себя среду доброжелательности — естественная потребность человека. Ведь мои студенты — это мои люди, мои родственники. Честно говоря, я знаю их лучше, чем родственников. Ученики исповедуют мою веру, я их учу тому, чтобы

они понимали явления жизни, как мне кажется, как должно.

Это все эгоизм. Как любое доброе дело. Когда ты делаешь что-то доброе людям, не жди немедленно благодарности и награды. Если не хочется — лучше не делай. Потому что потом будешь еще и людей мучить. Мать внедрила в меня это сознание, когда я был маленьким.

— Сергей Аполлиариевич, вы много сказали сейчас резкого, грустного, справедливого. Был, как мне кажется, вполне откровенны. Но у меня чувство, что нечто очень важное для вас не сказано. Чего-то мы не коснулись, о чем вам молчать трудно.

— На пороге восьмидесятилетия думаешь не только о жизни. То, что я скажу сейчас, испытывают, наверно, многие мои коллеги-однолетки. Умру я и не знаю, увидит ли когда-нибудь кто-нибудь мои фильмы, или они встлеют, а зрителем повсеместно будут показывать. Я думаю, так нельзя. Мы прожили жизнь честно, старались, как могли, что-то получалось, что-то не получалось. Но это прожитая жизнь, она не может, не должна уйти в никуда. Нельзя так унизить свое искусство, нельзя! Я прошу подчеркнуть это.

Мы забываем, что не все фильмы двадцативосьмидесятых арсенал, но мы, как же кинолюбие, создали огромный кинофонд. Каждую минуту какой-то фильм может стать предметом сегодняшних интересов, тем более когда речь идет о воспитании молодежи. Молодые должны знать, что было до них, а не только то, что прилично происходило. Пока живем, об этом нужно думать...

Беседа велла Е. БАРСКАЯ